

скептически некоторую или значительную часть результатов этой работы, все-таки придется констатировать, что капитальное исследование гидронимов имеет немаловажное значение для ранней истории и доистории. То, что благодаря этому теории, долгое время считавшиеся действительными (возникновение на древнеевропейской основе балтийского, но не славянского и т. п.), теперь нуждаются в пересмотре, по моему мнению, только повышает ценность ономастики для вопросов такого рода».

О. И. Трубочев

Georgakas Demetrius J. Ichthyological terms for the sturgeon and etymology of the international terms Botargo, Caviar and congeners (A linguistic, philological and culture-historical study). Pragmateiai tes Akademias Athenon, Tomos 43. Athens 1978 (330 с. + карты)

Эта публикация Афинской академии наук представляет важный шаг вперед в научном исследовании истории рыболовства в Черном и Каспийском морях на материале свидетельств различных названий осетровых рыб и разных смежных терминов. Автор, профессор университета штата Северная Дакота (США), имеющий также длинный список публикаций, в том числе интересные работы по славяно-греческим языковым связям, посвятил свою книгу подробному разбору ихтиологических терминов, имеющих в греческом, латинском и славянских языках. Во введении Георгакас констатирует (с. 83—88): «Высшая цель исследования культуры (в оригинале — *anthropology*. — Прим. перев.) — достичь полного познания фактов и более глубокого понимания процессов истории человеческой культуры. . . В числе самых ранних видов деятельности человека, направленных на обеспечение его жизни, были охота и рыболовство. Начало рыболовства восходит к эпохе примерно за 12.000 лет до н. э., т. е. незадолго до появления смешанного сельского хозяйства как в Северо-Западной Европе, так и в Юго-Западной Азии. Разумеется, и рыболовство, и охота сохранились в числе занятий человека и тогда, когда его сельскохозяйственная деятельность оттеснила их на второстепенное место».

Согласно Георгакасу, рыба играла важную роль в греческом кулинарном искусстве с XIII по VIII в. до н. э. Она поставлялась с Эгейского моря, с Босфора, с Черного и Азовского морей. Одним из главных по потреблению среди рыб был осетр. При этом лов осетра и соответствующая терминология сближали народы в Евразии. Автор констатирует следующее о рыболовстве в Причерноморье: «Рыболовство в Черном море (*Euxeinus Pontos*) предварило греческую колонизацию его побережий. Эта точка зрения, основанная на данных древних греческих авторов, документируется и подтверждается результатами советских археологических исследований ранних греческих поселений в Северном Причерноморье. Рыбные богатства этих мест как будто были хорошо известны в эллинском мире начиная с расцвета греческой колонизации (V—IV в. до н. э.). Хотя сообщения Гекатея (VI в. до н. э.) о рыбах Черного моря не дошли до нас, Геродот (V в. до н. э.) сохранил для нас ценный материал о богатстве рыбой и о великих реках, впадающих в Черное море с севера и северо-запада. . .» (с. 86).

Помимо исторических данных, Георгакас дает в своем исследовании обзор географического распределения видов рыб на картах на с. 102, 104 и 106 (последняя из них, к сожалению, напечатана в перевернутом виде).

Главный и самый важный раздел монографии Георгакаса — это ее этимологическая часть (с. 109—287). Начиная с греческих, латинских и других названий осетра, автор дает для них очень интересные, новые объяснения. Одно из них — это, например, на первый взгляд удивительное, предлагаемое им словопроизводство греч. *βερζίτικον* 'Huso huso meoticus' (с. 124—125). Согласно автору, эта рыба «ввозилась в императорский город Константинополь оттуда, где сейчас Украина. Эта импортная осетрина — *τάριχος* X—XII вв. — не имеет ничего общего с названием племени *Βερζίται* тремя столетиями раньше. Я рассматриваю τὸ βερζίτικον как субстантивированную форму среднего рода из первоначальной выражения *βερζίτικον ὄψαριον* или *βερζίτικον οἰουρήιον*» (с. 124).

Что касается первоисточника названия *βερζίτικον*, Георгакас производит его от вост.-слав. *бѣлуга* (= укр. *білуга*) с переходом *g > dz* по славянской палатализации перед *i* (автор по ошибке называет эту палатализацию второй, а не первой и реконструирует праслав. **běl-* с простым *e* вместо *я* или *e* долгого) и заменой первоначального *b* на *v*: «С утратой безударного *мы* получаем *veldzitikon*, а далее — со среднегреческой и новогреческой заменой *-ldz- > -rdz-* — *βερζίτικον*» (с. 125).

Только человек с большой изобретательностью и детальным знанием славянской и греческой фонологии, как Георгакас, мог рискнуть на подобную этимологию. Единственную трудность здесь представляет суффикс *-itikon*. Автор не выдвигает в этом отношении никакой гипотезы, констатируя только в целом, что «предполагаемая форма **beludzitikon* должна быть передачей какого-то местного восточнославянского производного от *белуга*». Была ли это уменьшительная форма **beluzika* (= незасвидетельствованное, хотя и возможное, укр. **білужиця*) или **beluzitika* (= укр. **білужитиця?*), вопрос остается открытым для дальнейшего исследования.¹

Некоторые славянские названия происходят из греческого. Так, например, укр., рус. *хамса* 'Engraulis engrasicholus' происходит из греч. *χαμψα* мн. ч., которое произносится также как *χαμψα* и, с дальнейшей ассимиляцией — *χαμψζα* (с. 272—273).

Самой запутанной и трудной представляется этимология укр., русск. *кавьяр* 'черная икра'. Георгакас производит его из греческой формы, «сохранившейся в понтийском греческом в виде *χαβίαριον*» (с. 250). По его мнению, это сокращение из **ταριχαβίαριον* (с. 253). По моему мнению, эту этимологию

¹ В этот вопрос может быть внесена полная ясность уже сейчас. Византийско-греческое название рыбы, вылавливаемой в Меотиде — *βερζίτικον* (X—XII в.), наиболее вероятно истолковано как производное прилагательное с греческим суффиксом *-ιτικον* от названия страны *Βερζίη* или *Βερζίλια*, локализуемой в северном Дагестане и связываемой с хазарами. См., вслед за Марквартом: *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. II. Sprachreste der Türk-völker in den byzantinischen Quellen. 2. Aufl. Berlin, 1958, S. 89; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 130* (о стране Берсиллии). Таким образом, *βερζίτικον* этимологизируется как берсилльская, или хазарская (рыба). — Прим. перев.

следует считать наиболее убедительной, остроумной и окончательной, поскольку ничего лучше не предложено².

Рецензируемая книга Георгакаса — это не только солидная, стройная и богато документированная исследовательская работа по этимологии и происхождению ряда пхтиологических терминов греческого и других языков. В действительности это исследование широкого методологического плана, направленное на сочетание данных языкознания с фактами истории культуры индоевропейских народов. В нем объединены стремления ученого исследовать не только историю языка, но и реалии, лежащие в основе названий, иначе говоря, метод «слов и вещей» применен к предмету исследования.

В этом отношении 7-ая часть книги, озаглавленная «Взгляд на этимологию и историю культуры» (с. 279—287), имеет особое значение как для лингвистов, так и для историков культуры. Автор отстаивает точку зрения, согласно которой этимология — это сфера применения наиболее серьезной науки, которая не имеет ничего общего с любительской, или народной этимологией, которая, как известно, «предшествовала подлинному исследованию на протяжении тысячелетий» (с. 279) и, как всякое хобби, приводила «к фантастическим объяснениям единственно ради публикации» (с. 282). Согласно мнению Георгакаса, «приемлемая этимология должна удовлетворять одновременно трем аспектам слова или трем группам правил: фонологической и морфологической форме, семантическому содержанию слова и культурному компоненту (или внешнему миру реальностей, по Якову Малькелю); этот последний имеет три отличительных признака: а) словарный пласт, культурный контакт; б) географическое распределение лингвистического признака; с) языковые уровни: ученый или письменный язык — народный или разговорный язык. Так достигается реконструкция истории слова» (с. 284).

Автор кончает свои общетеоретические рассуждения красноречивыми словами: «. . . работа по этимологии — это серьезное, трудоемкое и сложное дело» (с. 287). Несомненно, своей последней книгой Георгакас продемонстрировал такую работу наилучшим образом.

Я. Б. Рудницкий* (Оттава)
Перев. с англ. О. Н. Трубачев

² И автор книги, и рецензент заблуждаются. Необходимо учитывать толкование Семеренья, который объясняет русск. диал. *кавьяр*, тур. *xavjar* с помощью осет. *kæf* 'рыба' и цыг. *jago* 'яйцо', точнее — какой-то иранской формы, близкой последнему. «Но нет сомнения в том, что *кавьяр* в конечном счете иранское сложное слово и значит оно «рыбье яйцо» (Семеренья О. Славянская этимология на индоевропейском фоне. — ВЯ, 1967, № 4, с. 24—25). — Прям. перев.

* *Rudnýcký J. B.*, 1982 г.